

ОТЗЫВ

официального оппонента

о диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук Лю Ху на тему: «Сербские наименования мифологических персонажей на фоне китайской традиции (провинция Шаньдун): этнолингвистический аспект» по специальности 5.9.6 – «Языки народов зарубежных стран (славянские языки)»

Диссертационное исследование Лю Ху выполнено в русле современной этнолингвистики и содержит сравнительный анализ названий мифологических персонажей в народных традициях Сербии и китайской провинции Шаньдун.

Актуальность работы связана с возрастающим интересом исследователей к описанию национально-культурной идентичности и картины мира носителей языка сквозь призму лексики, прежде всего, культурно маркированной. Данная работа интересна тем, что, основываясь на богатом лексическом и мифологическом материале двух генетически не связанных народных традиций (сербской и локальной китайской), позволяет сделать выводы о структуре, универсальности и специфичности сопоставляемых мифологических систем, о принципах и моделях номинации мифологических персонажей – как сходных, так и различных. Актуальность данной работы, безусловно, определяется еще и тем, что традиционная культура и мифология в их национальных, региональных и локальных вариантах стремительно разрушаются под напором процессов глобализации, под давлением массовой культуры и современных способов и средств коммуникации и исследователям нужно успеть зафиксировать и описать максимум доступного материала.

Научная новизна предлагаемой диссертации состоит в том, что в ней впервые проанализированы и получили этнолингвистический комментарий наименования сербских мифологических персонажей на фоне китайских.

Интерес вызывает географическая и культурная дистанция изучаемых мифологических и терминологических систем. Отдельная заслуга диссертанта заключается в составлении карт, посвященных ареальной дистрибуции сербской и китайской мифологической лексики.

Теоретическая значимость диссертации заключается в том, что в ней получено очередное подтверждение жизнеспособности и результативности этнолингвистического подхода к анализу лексического материала. Это позволило автору диссертации выявить типологическое и специфическое в сопоставляемом материале, сделать заключение о существовании культурных универсалий и расхождений, обусловленных рядом факторов: исторических, социокультурных, религиозных, географических и т. п. Кроме того, автор внес определенный вклад в ареальную лингвистику, разработав отдельные карты для сербских номинаций, и карты, показывающее географическое распределение китайской мифологической лексики.

Практическая ценность работы состоит в том, что полученные данные могут применяться при создании курсов по народной демонологии и диалектологии Сербии и Китая, по народной культуре и этнолингвистике, могут быть использованы при составлении этнолингвистических и диалектных словарей.

Достоверность результатов исследования обеспечена следующими факторами: 1) диссертантом, судя по представленным источникам, обработан внушительный объем **материалов**, извлеченных из многочисленных толковых, диалектных, этимологических, этнолингвистических и мифологических словарей, фольклорных сборников, статей и монографий ученых; 2) работа проведена с опорой на несколько методов и приемов лингвистических исследований; использованные методики адекватны заявленной цели и поставленным задачам; 3) исследование осуществлено с опорой на достаточную методологическую базу, включающую наиболее значимые труды отечественных и зарубежных (прежде всего сербских и китайских) ученых в русле заявленной проблематики. Дополнительно

отметим, что часть материалов по китайской мифологии и мифологической лексике для диссертации собрана самим автором в ходе диалектологических исследований. Это свидетельствует об увлеченности автора и его искренней заинтересованности в своей работе.

Текст диссертации написан хорошим языком, довольно легко читается.

Структура работы соотносится с поставленными задачами и характеризуется четкостью и логичностью. Работа состоит из трех глав, в которых последовательно рассмотрены мифологические системы (1 и 2 главы) и мифологическая лексика (3 глава) двух сопоставляемых культур.

Первые две главы диссертации построены по одной модели: в каждой главе представлены и описаны основные персонажные типы и их наименования в народной традиции Сербии и китайской провинции Шаньдун. Смущает несоответствие параграфов этих глав. На наш взгляд, было бы логично содержание глав подчинить одной логике и одинаково назвать, за исключением того материала, который не имеет соответствий в двух культурах. К примеру, пункт 1-й каждой главы назвать «Духи локусов» и рассмотреть сначала духов природных локусов, а потом домашнего пространства (или наоборот), пункт 2-й – «Демоны судьбы», пункт 3-й – «Люди, обладающие сверхъестественными способностями» и т. п. Второй момент, связанный со структурой и содержанием первых двух глав, – отсутствие в 1-й главе пункта «Нечистые покойники», хотя в 3-й главе (с. 96) говорится о схождении сербской и шаньдунской мифологических систем в области представлений о «нечистых покойниках».

Третья глава должна носить (судя по названию) чисто лингвистический характер и содержать сравнительно-типологический анализ названий персонажей в двух культурах. Однако первая часть главы содержит описание сходств и различий двух сопоставляемых мифологических систем, а не лексики, их обслуживающей. Собственно лингвистическая часть главы посвящена структуре терминов, мотивационным признакам названий мифологических персонажей (внешний вид, место пребывания время

появления, происхождение, функция персонажа, его место в иерархической системе). Таким образом, формально объем лингвистической части диссертации существенно меньше «мифологических» частей. Хотя стоит отметить, что и 1-я, и 2-я глава включают и описание названий персонажей, а также этимологию этих единиц. В таких работах, как представленная, действительно трудно разделить фольклорный анализ, нацеленный на определение системы персонажей низшей мифологии (Сербии и китайской провинции Шаньдун в данном случае), и лингвистический анализ, связанный с научной интерпретацией системы названий этих персонажей.

Обязательным компонентом глав является этимологический. Правда, этимология единиц произведена в основном не самим автором, а другими исследователями, но, будучи приведенной в соответствующих частях диссертации, она выглядит очень уместной и усиливает мотивационный анализ, произведенный соискателем. Каждая глава сопровождается выводами.

Положения, выносимые на защиту, обоснованы и подтверждены в ходе работы над темой исследования, следует отметить ясность, четкость при их формулировании.

В результате проведенного исследования в соответствии с поставленными задачами автор получил **новые результаты**: 1) собрал из разных источников сведения об основных персонажах низшей демонологии Сербии и китайской провинции Шаньдун, построил их классификацию; 2) сравнил сербскую мифологию с китайской и обнаружил общие и различные черты, обусловленные историко-культурным развитием народов; 3) определил круг названий мифологических персонажей в народных традициях Сербии и Китая (на примере провинции Шаньдун); показал их диалектное варьирование; 4) описал ареальное распределение таких названий, создав специальные карты; 5) установил сходства и различия в структуре и мотивационных связях сербских и китайских названий мифологических персонажей; 6) привел этимологию ряда таких единиц.

В целом можно констатировать, что перед нами самостоятельное завершённое исследование двух мифологических и терминологических систем, выполненное на хорошем научном уровне и обладающее несомненными перспективами.

Высоко оценивая проведенную автором работу, выскажем частные замечания и вопросы, касающиеся представления отдельных фрагментов диссертации:

Замечания.

1. В приложении к диссертации на очень высоком научном уровне выполнено несколько лингвистических карт, посвященных названиям сербских и китайских мифологических персонажей. Очень жаль, что ареальный анализ не стал отдельной главой диссертации. На наш взгляд, было бы правильно к каждой карте сделать этнолингвистический (лингвистический) комментарий. Эти комментарии, правда, разбросанные и не очень системные, есть в главах, но было бы логичнее все, относящееся к ареальной дистрибуции мифологической лексики, увидеть в одном месте. К сожалению, в названиях карт отсутствует указание на регион, о нем приходится догадываться по списку пунктов фиксации материалов и источникам. Кроме того, можно было, поскольку исследование сравнительное, поместить рядом карты, посвященные ареальному распределению названий сходных духов в сербской и китайской традиционной культуре: например, карту со стр. 137 и 155 (Названия водных МП) и сделать сквозную нумерацию карт (или хотя бы такую нумерацию отдельно для сербского и китайского разделов).

2. Не очень логично, когда в выводах к главам (первой и второй) содержатся не собственно выводы, а лингвистический анализ. Было бы гораздо убедительнее включить лингвистическую часть в главу, а в выводах отразить все содержание главы, в том числе и по анализу лексики. Кроме того, структура и содержание таких «выводов» разнотипны: в первом случае определен состав сербских терминов (с точки зрения происхождения) и

мотивационные признаки, лежащие в основе номинаций мифологических персонажей; во втором – описаны номинативные модели, в соответствии с которыми образуются названия китайских мифологических персонажей.

Вопросы.

1. Колдовство, по мнению исследователей, является неотъемлемой частью культур всех или, по крайней мере, большинства народов (см. список литературы в монографии О.Б. Христофоровой «Колдуны и жертвы: Антропология колдовства в современной России», М., 2010). Поэтому удивляет в проанализированном сербском материале отсутствие персонажа наподобие русского колдуна / колдуньи или «знающего» человека. Неужели действительно нет персонажей, которые могут вызывать / снимать сглаз, порчу, лечить другие болезни с помощью заговоров или иных магических средств, привораживать / «отвораживать» и под.? Если такие персонажи есть, почему они и их названия не включены в исследование?

2. Почему, на Ваш взгляд, система китайских мифологических персонажей (по крайней мере, духов пространств, как домашних, так и природных) более конкретна, чем сербская? Для чего в китайской мифологии, кроме самого локуса, например, дома, с помощью специальных мифологических персонажей маркируются его части: очаг, кровать, двери даже отхожее место? С какими особенностями китайской традиционной культуры (или традиционной культуры провинции Шаньдун) это связано?

3. С чем, по-вашему, в традиционной культуре провинции Шаньдун связана мифологизация таких животных, как лиса (*ху-сянь*), колонок (*хуан-сянь*) и под., не обладающих физической силой, выносливостью смелостью в сравнении с тигром и барсом, например, и отсутствие духов последних животных? К примеру, в русской традиционной культуре мифологизируются волк и медведь.

4. Во Введении говорится, что диссертант использовал несколько лингвистических методов (с. 3). Хотелось бы узнать, конкретно на какие

методы опирался соискатель, выстраивая номинативные модели, лежащие в основе названий различных персонажей?

5. В выводах ко 2-й главе указаны продуктивные номинативные модели для названий китайских мифологических персонажей, среди которых приведена модель, в рамках которой для наименования того или иного духа используются термина родства. С чем, на ваш взгляд, связано более широкое применение терминов родства в системе названий китайских мифологических персонажей по сравнению с сербской системой (в частности для наименования духов локусов)?

6. Интересно узнать соотношение названий духов, мотивированных размером, в частности, ростом персонажа. Каких номинаций больше в сербской и китайской системах терминов: указывающих на высокий рост или указывающих на низкий рост, и почему?

Высказанные замечания и вопросы не носят принципиального характера, они вызваны интересом к работе и не снижают научной ценности диссертационного исследования Лю Ху. Поставленная в работе цель достигнута. Выводы диссертации являются обоснованными. В исследовании представлены новые научные результаты, что свидетельствует о личном вкладе соискателя в теорию и практику этнолингвистического анализа.

Диссертация прошла достаточную апробацию в докладах автора на научных конференциях разного уровня, основные положения и результаты исследования отражены в 9 работах, 4 из которых опубликованы в научных журналах, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ им. Ломоносова. Автореферат в полной мере отражает содержание диссертации и основные этапы анализа.

Рецензируемая диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В.Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует специальности 5.9.6 – Языки народов зарубежных стран (славянские языки) (по филологическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5

Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова, а также оформлена согласно требованиям Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова.

Таким образом, соискатель Лю Ху заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.6 – Языки народов зарубежных стран (славянские языки).

Официальный оппонент:

доктор филологических наук, доцент,
доцент кафедры теоретического
и прикладного языкознания
ФГАОУ ВО «Пермский государственный
национальный исследовательский университет»
Русинова Ирина Ивановна

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена
диссертация: 10.02.01 – Русский язык

Адрес места работы:

614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15,
ФГАОУ ВО «Пермский государственный
национальный исследовательский университет»
тел. (342)2396417, e-mail: irusinova@mail.ru